

I N G R I D N O L L

И Н Г Р И Д

НОЛЛЬ

за борт!

«Ее территория — это незанятое пространство между детективом и семейной драмой, между женским романом и домашним хоррором».

Der Spiegel

Ингрид Нолль За борт!

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6114201
Нолль И. За борт!: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-65950-0
Оригинал: IngridNoll, "Über Bord"
Перевод:
Анатолий Духанин*

Аннотация

Жизнь Эллен протекала однообразно и даже скучно: с мужем она давно развелась, других претендентов на ее руку и сердце не наблюдалось. Работа у нее была рутинная, не требующая фантазии. И вдруг в ее бедной событиями жизни блеснул луч. Да что там луч – вспышка, удар молнии. Оказалось, что папаша Эллен был небезгрешен и у нее есть единокровный брат. Дабы лучше узнать друг друга, новый родственник пригласил ее в морской круиз. Если бы Эллен знала, чем все закончится, она... Отказалась бы от предложения? Как знать, может, наоборот, приняла бы его с радостью...

Содержание

Предисловие	5
1	8
2	12
3	17
4	22
5	26
6	31
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ингрид Нолль

За борт!

Copyright © 2012 by Diogenes Verlag AG Zurich, Switzerland. All rights reserved

© Духанин А., предисловие, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Предисловие

Ингрид Нолль (в замужестве Гуллац) – незаурядный автор и удивительный человек. Она родилась в 1935 году в Шанхае в семье врача, а в Германию вместе с семьей вернулась только в 1949-м. В Боннском университете она изучала германистику и историю искусств.

Ингрид Нолль начала писать поздно, когда дети покинули родительское гнездо и стали самостоятельными. Возможно, это сыграло положительную роль в ее творчестве, поскольку она вошла в литературу с богатым жизненным опытом, который удачно дополнил ее незаурядный талант. Не случайно все ее книги без исключения сразу становились бестселлерами. Пять из них были экранизированы и имели большой успех. За свое творчество писательница была отмечена несколькими значимыми литературными и кинематографическими премиями. Книги Ингрид Нолль переведены на многие языки, и, где бы они ни выходили, их встречает неизменный успех.

Поистине поражает ее жизненная энергия, свежий, порой напоминающий мужской, отточенный ум, умение понимать и говорить на языке всех возрастов. У Ингрид Нолль свой фирменный стиль, отличающийся легкостью, скрытой и явной иронией, возникающей из, казалось бы, бытовых ситуаций. Иногда писательница переходит на черный юмор, но при этом никогда не нарушает границ, отделяющих пошлость от остроумия. И в этом смысле ее книги с полным правом можно назвать литературой.

Ингрид Нолль – яркий представитель творческой интеллигенции, которая сохраняет и развивает европейский культурный паттерн, столь притягательный и ценимый во всех уголках мира. Кроме интересных и ни в чем не повторяющихся сюжетов, которые держат читателя в напряжении до самых последних страниц, у ее книг есть еще одно неоспоримое достоинство – они очень информативны, обильно насыщены тем, что мы могли бы назвать европейским культурным багажом. Это и стихи знаменитых и не очень поэтов, и музыкальные произведения, и сказки, на которых с детства воспитывались многие поколения европейцев («За борт!»), а может быть, и латынь («Честное слово»).

Для россиян Нолль будет интересна тем более, что мы жадно стремимся в короткие сроки восполнить лакуны в живом культурном обмене с Европой, этой «страной святых чудес», как ее назвал Ф.М. Достоевский, прерванном почти на столетие политическими обстоятельствами.

Надеемся, что романы Ингрид Нолль найдут благодарного читателя, а ее имя встанет в ряд наиболее читаемых современных авторов. Читайте и получайте удовольствие!

Анатолий Духанин, переводчик

Осенний ветер намел на улицы первые пестрые листья. Пожилая женщина, опершись о метлу, переводила дух, любуясь своим участком. Она приняла к дымку горевших где-то далеко листьев, долго и лениво изучала дырку в резиновом сапоге и в этом своем естественном образе очень походила на ведьму из детских книжек. Наконец, глубоко вздохнув, она очнулась от оцепенения и вернулась к работе.

Неожиданно прямо перед ней, как черт из коробочки, возник молодой человек. Женщина подняла глаза. Молодым человеком оказался приятель ее внучки Амалии.

– Добрый день, фрау Тункель! – вежливо поздоровался Уве. – Гляньте, кого я принес!

Уве расстегнул молнию на куртке и показал хорошенького щеночка, который, уловив на себе внимание, чуть приоткрыл один глаз и от души зевнул.

Несмотря на то что физиономия Уве была разукрашена ненавистным ей пирсингом и не располагала к дружелюбным эмоциям, лицо Хильдегард немедленно, помимо воли, растянулось в улыбке, а рука сама собой потянулась погладить пушистый комочек.

– Откуда у вас такой? – спросила она, снизойдя до почти добродушного тона.

Уве сказал, что подобрал брошенного щенка, и не где-нибудь, а возле церкви. Похоже, его туда подкинули, как в старые времена подкидывали нежеланных младенцев. Хочешь не хочешь, придется отнести осиротевшую собачку в приют для бездомных животных – Уве склонялся к такому решению, так как у него не было времени заботиться о псине, да и его отец не больно-то любил собак. Возможно даже, щенка придется усыпить, если в приюте ему не найдется места.

– Погодите-ка, – в голове Хильдегард моментально родилось решение. – Он же суший младенец! Его нужно кормить из соски! Знаете, я, пожалуй, возьму его на какое-то время, пока вы подыщете ему семью с детьми, где бы его приняли. Надеюсь хотя бы, что это девочка?

Уве хмыкнул. Он-то уж точно знал, что у кобеля в «женском монастыре» нет шансов. Ловко же ему удалось пристроить четырехнедельного щенка, которого он, поддавшись искушению, прихватил на дворе приятеля-крестьянина! Раз уж это невинное игривое создание тронуло сердце старухи, то она его больше не отдаст. И Уве представил себе, как они с Амалией по вечерам будут рука об руку выгуливать собачонку. К сожалению, у них было не так уж и много общих интересов, но любовь к природе по-настоящему их связывала, и они с удовольствием проводили время на свежем воздухе. Вот почему Уве ни на секунду не сомневался, что его подружка придет от нового домочадца в восторг.

По прошествии недели Хильдегард прямо-таки цвела, и все потому, что шерстяной комок признал в ней доминирующего самца и больше не отходил ни на шаг. А поскольку она часами копалась в саду, собака редко делала в доме лужи, и появилась надежда, что через несколько недель она вообще не будет пачкать в комнатах. Собственно, оставалась лишь одна проблема: дочь Хильдегард Эллен, с которой они жили вместе и которая в скором времени должна была вернуться из сомнительного круиза, терпеть не могла собак. Пожалуй, когда они будут в следующий раз говорить по телефону, надо будет как-нибудь помягче подготовить Эллен к тому, что в доме появилась Пенни. Или лучше для начала посвятить в последние события Амалию и дипломатично привлечь на свою сторону? Вот, кстати, внучка, как нарочно, сама звонит из Монте-Карло.

Прежде всего Амалию интересовало, как себя чувствует бабушка и отвозил ли ее Уве за покупками.

– Он славный малый, – успокоила ее старушка, – возможно, я сначала сделала о нем неверные выводы из-за внешности. Сожалею. Мы с Уве не только ездили вчера за покупками, но и сходили вместе к ветеринару.

Ну, вот она и призналась. Новость, похоже, произвела на Амалию сильное впечатление. Ей пришлось выслушать историю появления в доме маленькой Пенни, а затем и конкретное предложение: будет лучше, считала Хильдегард, если внучка сама подготовит мать к переменам.

Амалия рассмеялась и пообещала взять на себя пикантную миссию. Потом рассказала бабушке, как проходил круиз в те дни, пока они не общались, и, само собой, передала волнующую весть об исчезновении Ортруд.

Вот те на! Неужто жена Герда сгинула в пучине? Впрочем, Хильдегард всегда подозревала, что от нее одни только неприятности. Она с самого начала предостерегала Эллен и Амалию от этого круиза с новоиспеченными родственниками. Ведь с Гердом и Ортруд они фактически были едва знакомы. Как ни крути, было бы лучше, если бы Ортруд, а с нею вместе и этот Герд исчезли из ее жизни, как будто их и вовсе не существовало.

– Бабушка, не знаю, как мне описать мамины чувства. То она сокрушается на пару со своим Гердом, то радуется тому, что мы отделались от этой пьянчужки.

– Главное, чтобы она сразу не почувствовала себя преемницей, – сказала Хильдегард. – У этого человека нет совести, и я ничуть не сомневаюсь, что он сам и убил свою жену! Синяя Борода – они все такие, женоубийцы!

1

Амалия была самой младшей среди внушительной армии внуков и внучек. Ее не переставало удивлять, что бабушка предпочитала носить платья камышового цвета, отчего казалась детям старой колдуньей, а то и бабой-ягой. Если выйти на улицу с мокрыми волосами, уверяла Хильдегард, можно сильно простудиться и даже заработать воспаление легких. Сама же она вопреки убеждениям почти все свободное время копалась в саду, не обращая внимания на дождь, и, бывало, промокала до нитки. И ничто ее не брало – ни смерть, ни пневмония, которой она так боялась.

Когда Амалии было четыре годика, она заявила бабушке:

– Когда ты умрешь, я возьму себе твое зеленое кольцо!

Но и двадцать лет спустя магия бабушкиного нефритового кольца ее не отпускала. Бывало, она смущенно просила бабушку позволить его примерить.

– Дитяtko, это кольцо дорого мне как память. Да и снять я его не могу, оно давно вросло в палец.

Содрогаясь от ужаса, Амалия не раз про себя размышляла, что, когда бабушка умрет, придется отрубить ей палец, чтобы заполнить колечко.

Удивительно, что эта добрая и порядочная женщина, худо-бедно имевшая аттестат зрелости, в некоторых вещах была такой отсталой, щепетильной и суеверной. Может, это от старости или от болезни Альцгеймера?

С глазу на глаз бабушка также частенько отговаривала детей и внуков от купания в определенные дни, считая, что лучше воздержаться и от принятия душа.

– Сдается мне, ты вчера снова это сделала! – выговаривала она сердитым тоном.

От кого бабушка понабралась всей этой чепухи и откуда она знала, когда у внучки проходили месячные, оставалось невыясненным. Ну а когда у Амалии завелся приятель, она почувствовала за собой пристальную слежку.

Дом Тункелей в Мёрленбахе – большое, но изрядно обветшалое строение – соседи окрестили женским монастырем потому, что его насельницы, как им казалось, забаррикадировали свои сердца от соблазнов мира сего. Бабушка овдовела, дочери расстались с мужьями, и даже Амалия в свои двадцать четыре все еще жила в родительском гнезде.

Летом решетчатую металлическую ограду украшали буйно разросшийся вьюнок с бархатистыми голубыми цветами, свисавший тяжелыми гроздьями черный виноград, а между ними – подсолнечники на высоких стеблях. На первый взгляд вся эта растительная композиция казалась случайной, но после более глубокого изучения нельзя было не заметить, что цветочным хозяйством управляла женщина со вкусом. А если наблюдатель задерживался подольше и, погрузившись в покой, отдавался мягкому воздействию этого садового натюрморта, то его непременно околдовывала игра зеленых, синих и темно-желтых оттенков.

По весне в саду вот уже которое десятилетие расцветали особенно хорошо прижившиеся белые пионы. Во многих соседних садах, впрочем, как и повсюду в Оденвальде¹, росли лекарственные пионы, которые цвели не менее пышно, однако из-за своего страстно плающего красного цвета не могли соперничать в благородстве со своими белыми сестрами. Одна – принцесса, другая – деревенская простушка. Приблизительно так же отличались и внучки: Клэрхен с нежно-фарфоровым цветом лица и краснощекая или, смотря по сезону, загорелая Амалия.

¹ Оденвальд – горы и одновременно район в земле Гессен в Германии. – Здесь и далее примеч. перев.

Дом построили прадед и прабабка Амалии. На каменной кладке прямо над входом были выдолблены год постройки – «1902» и имена первых владельцев – «Анна Элизабет и Юстус Виллибальд Тункель». Угловая башенка бокового флигеля возвышалась над всеми другими домами на улице, так как в начале прошлого столетия еще не существовало строгих строительных ограничений. Окна с фрамугами завершались красивой полуциркульной аркой. Когда-то фасад дома покрывала растительность, но дикий виноград погиб много десятилетий назад. К сожалению, у нынешних жильцов не было средств, чтобы содрать голый скелет виноградной лозы и почистить и покрасить каменные стены.

Из года в год в дом Тункелей навевались только газовщики да трубочисты, а почтальоны и курьеры с пакетами и вовсе не переступали порога, передавая почту у двери. Но сейчас в женский мирок угрожал проникнуть проныра: Амалия, последний неоперившийся птенец, с недавних пор стала встречаться с одним и тем же мужчиной, отличавшимся внушительными габаритами.

– «Высокий крепкий парень-фриз»², – прокомментировала его внешность мать, знавшая наизусть немало стихотворений.

Когда тебе двадцать четыре, то кажется, что времени еще предостаточно, поэтому Амалия не торопилась распрощаться с незамужней жизнью.

Мать Амалии, Эллен, назвала свою младшую дочь по имени героини шиллеровских «Разбойников», а старшую, Клэрхен, которая временно переехала на учебу в Кёльн, – как героиню трагедии Гёте «Эгмонт». Вообще-то, Эллен мечтала стать актрисой, но то ли из-за того, что Хильдегард решительно бойкотировала это намерение, то ли из-за того, что у Эллен не хватило таланта... – в общем, расхождение взглядов матери и дочери пустило планы под откос. Теперь Эллен работала делопроизводителем в адресном столе и умирала от скуки. Со времени развода она не спала ни с одним мужчиной, хотя тайком от членов семьи регулярно прочитывала объявления о знакомствах в газетах, а с некоторых пор – и в Интернете.

Эллен разоблачила бывшего мужа по выигравшим числам цифрового лото. Когда они познакомились, оба были бедны и пытались поправить финансовое положение, пытая удачу в еженедельной лотерее. При этом они всегда указывали одни и те же числа: собственные дни рождения и дни рождения своих матерей. Позже дни рождения матерей заменили датами появления на свет двух дочерей. А пятую и шестую цифры ставили произвольно.

Через некоторое время Эллен заметила, что ее муж стал ставить в лотерейную карточку число «четырнадцать». Она взяла это на заметку; в ее душе уже поселились недобрые подозрения. Тем не менее Эллен решила не раздувать проблему и только спустя несколько месяцев поинтересовалась у мужа, что это значит. Муж неуверенно пролепетал в оправдание, что это-де дата рождения его покойной бабушки, которую он очень любил, и что она, может быть, взирает на них с небес, будет польщена вниманием и, не исключено, даже поспособствует тому, чтобы фортуна повернулась к ним лицом.

Раньше муж никогда не отличался суеверием. При случае Эллен выяснила у свекрови по телефону даты жизни сомнительной бабушки. Старушка переселилась в лучший мир, когда ее мужу было всего два годика от роду, а ее день рождения приходился на тридцать первое декабря. Эллен начала следить за мужем и вскоре многое выяснила. В частности, что у ее собственной племянницы Нины день рождения выпадал на четырнадцатое.

В итоге Эллен с ним развелась, переехала к матери и долгое время не верила ни одному мужчине ни на грош. Типов, найденных через газеты и Интернет, которые предлагали знакомство – она предусмотрительно не называла своего имени при общении, – казалось, инте-

² Строка из баллады «Нис Рандерс» немецкого поэта Отто Эрнста.

ресовали либо секс, либо деньги. Нередко попадались семидесятилетние вдовцы, не справляющиеся с домашним хозяйством. Другая категория подыскивала породистую даму или спутницу, которая была бы не прочь завести детей. Со стороны это, к сожалению, выглядело так, будто женщина в климаксе – пусть она все еще стройна и не курит, – ищет мужика, к которому можно было бы прилепиться.

Не то чтобы за все эти годы Эллен ни разу не влюблялась. Еще замужем положила глаз на коллегу, потом была влюблена в педиатра, кладбищенского садовника и молодого консультанта по налоговым вопросам. Позже она даже радовалась, что дело не дошло до интима. Эллен, по крайней мере теоретически, знала, что женщинам свойственно идеализировать мужчин по первому впечатлению, но знала и то, что при следующей встрече они уже пристальнее заглядывают в глаза своим избранникам. «Если мной кто-либо и заинтересуется, – мечтала она, – то это будет человек во всех отношениях удивительный». Но выходило по-другому: привлекательный коллега крутил шашни едва ли не со всеми молодыми сотрудницами да еще похвалялся своими успехами, педиатр оказался педофилом, кладбищенский садовник – женатиком, а консультант по налоговым вопросам – прескучным типом и к тому же шопоголиком. Временами Эллен сама себе удивлялась. Она перестала полагаться на инстинкты и продолжала изучать объявления о знакомствах исключительно ради забавы, как другие женщины разгадывают sudoku и кроссворды, собирают пазлы или раскладывают пасьянсы.

В юности Эллен вдохновляли немецкие романтические поэты и мыслители. Своим Голубым цветком³ они совершенно взбаламутили еще неокрепшее сознание молодой девушки. Душой она устремлялась на воспетый Мёрике остров Орплид⁴, странствовала в фантазиях в южной стороне с Бездельником⁵, куда его отправил Эйхендорф, была готова убежать в теплые края с гётевской Миньоной. «И, крылья широко расправив, моя душа легко парила»⁶... Так Эллен снова и снова мысленно переносилась в Италию. А когда в ее ежедневные мечтания вторгся настоящий очаровательный римлянин, она отреагировала на это тем, что наложила на себя епитимью: целыми днями драила кухонные шкафы, сундуки и комоды, переставляла их на новые места и снова принималась чистить.

После свадьбы муж Эллен взял ее фамилию, поскольку его собственную, Шчепаниак, никто не мог выговорить. Поэтому все женщины «монастыря» носили фамилию Тункель: бабушка Хильдегард, ее дочь Эллен и обе внучки – Клэрхен и Амалия.

Эллен и Амалия работали в соседнем городке, до которого было восемь километров, и выходили из дома спозаранку. Эллен ехала на службу и попутно подвозила Амалию до гинекологического кабинета, где дочь работала в должности помощницы врача.

– Сегодня за мной заедет Уве, – сказала Амалия, расставаясь. По средам она работала только до обеда. – Поедем в Мангейм, пройдемся по магазинам.

Эллен только вздохнула. Все деньги, какие зарабатывала дочь, она вкладывала в собственный гардероб. Ей даже в голову не приходило взять на себя хотя бы расходы на бензин, или оплатить счета за телефон и отопление, или внести свою долю на продукты.

– Когда целый день носишь белую лабораторную обувь, – попыталась успокоить мать Амалия, – то для личной жизни хочется чего-нибудь шикарного. Недавно в «Антик-луке» я видела такие сапожки...

³ Голубой цветок – центральный символ движения германского романтизма.

⁴ Эдуард Мёрике (1804–1875) – немецкий поэт и прозаик. В стихотворении «Песня Вейлы» описал остров Орплид, где нет ни проблем, ни тревог и царствует абсолютная гармония.

⁵ Йозеф Карл Бенедикт барон фон Эйхендорф (1788–1857) – выдающийся поэт и писатель эпохи немецкого романтизма. Имеется в виду его повесть-сказка «Из жизни одного бездельника».

⁶ Строка из стихотворения Й. Эйхендорфа «Лунная ночь».

«Я бы тоже не отказалась, – подумала Эллен, – но счет за ремонт водопроводной трубы по-прежнему не оплачен». Состоятельные предки хотя и постарались придать дому представительный вид, но за долгие годы он обветшал и нуждался в серьезном ремонте. Стоило залатать прореху в одном месте, как тут же что-нибудь ломалось в другом. Раньше мать сдавала часть дома в аренду, но и тогда почти весь доход уходил на ремонт особняка. Когда же последние жильцы расторгли договор, Эллен, как раз вскоре после развода, переселилась на первый этаж. С тех пор над ними висел дамоклов меч в виде просроченного платежа за новую газовую горелку, неизбежного ремонта прохудившейся крыши и уничтожения двух сгнивших деревьев, которые вот-вот грозили рухнуть кому-нибудь на голову.

Бывший муж, слава богу, взял на себя заботу об образовании дочерей, но большего от него трудно было ждать, так как он лишился работы и даже любых шансов ее найти. Хорошо, хоть Клэрхен могла прожить на стипендию, подрабатывая графиком в рекламном агентстве своего приятеля и обучая рисунку манга на вечерних общеобразовательных курсах. Таким образом она более-менее сводила концы с концами. Амалия зарабатывала относительно немного, но тратила всегда больше. В сущности, сама жизнь прямо-таки толкала Эллен к тому, чтобы завести богатого покровителя, буде таковой еще мог клюнуть на остатки былой красоты особняка в югендстиле и нашел бы радость в его бережном восстановлении.

Чтобы сэкономить немного денег, стареющая мать через два дня на третий пекла саксонское сладкое блюдо – сырники, – которое дети когда-то обожали. В последнее время появилось много заменителей мяса, простой еды, создававшей ощущение сытости, но Амалию от них воротило. Рецепт был прост: тертый картофель в мундире смешивался с творогом, яйцом и мукой с добавлением сахара, корицы, изюма и лимонных корочек. Сырники обжаривались в топленом масле до золотисто-коричневой корочки и подавались с яблочным пюре. Все вместе превращалось в недорогое, но вкусное блюдо, которое Эллен, Амалия и, пожалуй, сама все еще продолжавшая готовить Хильдегард постепенно возненавидели. Альтернативой выступали жареная картошка с салом с двумя взболтанными яйцами или чечевичный суп. Экономия всегда связана с ограничениями, поэтому стейки на столе никогда не появлялись.

Однажды во время игры в поло, когда Эллен стремительно неслась к цели, она видела странный сон наяву: она скакала с развевающимися волосами на белой лошади и при этом ощущала себя как будто невесомой и невероятно ловкой, а копыта лошади едва касались земли. С той поры ее не оставляла надежда, что в другой жизни она была принцессой и что придет время, когда она встретит своего принца. Вот и сейчас Эллен подумала об этом и с этой мыслью вошла в большое помещение бюро адресного стола.

2

Когда Амалия еще ходила в школу, она уступала сестре по всем статьям. Ее тетрадки сразу можно было опознать по вырванным страницам. В восемь лет она, к великому сожалению окружающих, все еще упорно писала мелом не только на школьных досках, но и на дверях туалетов и гаражей: «Кто читает, тот дурак». В солнечные дни она больше всего любила болтаться в саду и лазить по деревьям. А однажды поймала птенца и пыталась накормить его червяками. Оценки в табеле внучки мало радовали Хильдегард Тункель, зато не мог не доставлять удовольствие ее детский неподдельный интерес к природе, чего она никогда не замечала у собственных пятерых детей.

– Плоды тисовых деревьев порядком ядовитые, – поучала она маленькую девочку, – но посмотри, что я умею! – Она положила себе в рот красную ягоду. – Если осторожно языком отделить во рту косточки и выплюнуть, то после мякоть вполне съедобна. – И бабушка показала, как это делается. – И она вкусная, только, прошу тебя, никому не рассказывай, пусть это будет нашей с тобой тайной!

– Птицы тоже едят эти ягоды, – вставила слово Амалия.

Ей ли было не знать, какая живность в саду чем питается, ведь она наблюдала за ними со всем своим детским, непосредственным участием.

Сегодня, пользуясь случаем, Амалия решила возместить долгие часы под неоновыми лампами в медицинском кабинете и практически целый день провела на воздухе, наслаждаясь солнечными лучами. Собственно, как и во все прочие июльские выходные, когда выдавалась хорошая погода, Амалия, как правило, загорала в саду, время от времени, правда, вскакивая, чтобы перетащить шезлонг из тени на солнце или чтобы поболтать с неугомонной, непрестанно хлопотавшей по хозяйству бабушкой. Вот как сейчас:

– Ну и как тебе Уве? – поинтересовалась она.

Бабушка выпрямилась и прислонила грабли к вишне:

– Что ты хочешь услышать? Уж не собираешься ли ты выйти за него замуж?

Это «уж не...» Амалии не понравилось.

– Речь не об этом, – поспешила она оправдаться, – я всего лишь спросила, как он тебе понравился.

– Да я едва знаю этого твоего мужичка!

Амалия снова устроилась на солнышке. Бабушке он не нравится, решила она, иначе бы она не так отреагировала. Может, она вообще недолюбливает больших людей, потому что считает себя обделенной ростом. К тому же Уве на днях похвалил ее творожники, пошутив, что они сделаны из зеленого клевера, – и, пожалуй, немного переборщил.

Спустя пару минут лицо Амалии неожиданно накрыла тень. Это над ней склонилась бабушка, которая тоже обдумывала последний короткий разговор.

– Прости, – сказала она шутливым тоном, – у меня возникло подозрение, что он горемыка. Пожалуйста, не совершай ту же ошибку, что и твоя мать!

«И все-то у них крутится вокруг денег, – разозлилась про себя Амалия. – По-видимому, они ждут, что я подцеплю миллионера. Да-да, знаю, отопление долго не протянет, нужно обновить черепицу на крыше и все такое. Надо бы продать этот полусгнивший сарай, а еще лучше спалить. Тогда только они успокоятся».

О замужестве Амалия едва ли задумывалась, скорее о ребенке. Ведь ей каждый день по профессии приходилось сталкиваться с женскими репродуктивными проблемами. Помимо постоянных заборов крови на анализ, ультразвуковых исследований и гормональных консультаций, в кабинете гинеколога она видела много радости и горя, объятий и слез: женщин,

готовящихся стать матерями и излучающих лишь счастье, и тех несчастных, кому это было заказано. Или женщин, для которых положительный тест на беременность был равносильным шоку, и они видели только один выход – как можно скорее избавиться от плода. Забеременеть в неподходящий момент и не от того, от кого надо бы, было для них катастрофой.

А Уве? Он – тот самый, правильный? Может, Амалии стоило потерпеть еще лет десять, не напрягаясь по этому поводу? Ах, если бы не эти несчастные женщины перед глазами, которые слишком долго ждали своего счастья! До этого дня она ни разу не говорила со своим другом о планировании семьи; кроме того, бабушка права на все сто, по крайней мере, в одном: Уве – неудачник. Ему всего лишь двадцать два, на два года ее моложе, и он все еще живет с отцом-деспотом, так как ему не хватает средств, чтобы отделиться. Молодая семья не сможет позволить себе отдельное жилище, и сам Уве в шутку нередко повторял слова своего отца, подражая его народному выговору: «Везде хорошо-о, а дома-то оно лу-учше!»

В прошлое воскресенье Амалию пригласили на гриль. Погода стояла достаточно теплая, чтобы устроить пикник в саду. Отец Уве угощал огромными котлетами (к которым Амалия не прикоснулась) и из кожи вон лез, строя из себя кавалера перед сидевшей напротив миловидной молодой женщиной. А когда его сын встал из-за стола, чтобы принести из морозильника еще льда, отец на него рявкнул:

– Порожняком не бегай!

В памяти Амалии эти слова тут же отозвались чем-то созвучным и очень знакомым. «Работящая девушка никогда не пойдет на кухню с пустыми руками!» – так всегда приговаривала бабушка. И она отправилась помогать Уве уносить жирные тарелки.

Щурясь от послеполуденного солнца, девушка наблюдала, как бабушка выдергивает зеленые побеги, которые прорастали в щелях между каменными плитами, и без устали наклонялась, если замечала какую-нибудь невинную травинку. Вполне вероятно, что старуха относилась ко всем мужчинам так же враждебно, как и ее мать. А что? Бабушка давно овдовела, вырастила пятерых детей и никогда не жаловалась на множество взваленных на нее обязанностей. Была ли она счастлива в замужестве? Дедушка Амалии как-никак был человеком не бедным и среди прочего оставил ей в наследство этот дом. Львиную долю имущества Хильдегард Тункель давным-давно раздала своим четверым детям, что определенно было ошибкой. Потом уже ей объяснили, что если бы дарственная была оформлена в надлежащее время, то не пришлось бы платить налог с наследства. Теперь же, кроме дома, у Хильдегард не осталось ничего, никаких сбережений, и приходилось выживать на скромную ренту. А поскольку Эллен при разделе наследства в тот раз ничего не досталось, то она должна была в скором времени получить в собственность требующий восстановления особняк. Осталось только обговорить сроки с нотариусом.

«Для мамы дом стал тяжелой обузой, – думала Амалия, – но мы, так или иначе, в нем живем». Две комнаты можно было даже сдавать, но ни Хильдегард, ни Эллен не хотели видеть чужих людей – по крайней мере мужчин, – как они будут шататься туда-сюда, делить с ними ванную. А для какой-нибудь студентки из ближайшего университетского города было слишком далеко. Кроме того, Эллен учитывала и то, что у каждой молодой женщины есть друг, и этот друг рано или поздно тоже внедрится в их женское сообщество. Амалия не отваживалась спросить, будет ли сделано исключение для Уве.

Сеанс солнечной ванны с мечтаниями был внезапно прерван. В сад выбежала Эллен с криком:

– Живо что-нибудь накинь на себя, к нам сейчас придут!

Дочь вяло подняла глаза. Ей ужасно не хотелось надевать майку вместо купальника.

– И кто же это? – спросила она.

– Только что позвонил незнакомый мужчина по фамилии Дорненфогель, Дорнкаат или что-то вроде этого и сказал, что хочет обсудить нечто личное. Мне показалось, тут какая-то тайна.

К беседе подключилась и бабушка; по ее недоверчивому выражению лица было ясно, что известие ее насторожило:

– Может, и мне придется?

Эллен окинула мать критическим взглядом. Перепачканная зеленью старушка смотрелась не лучшим образом, но среди овощей и травы это не сильно бросалось в глаза.

Амалия тоже предпочла бы и дальше лежать на солнце, но проснувшееся любопытство уже не оставляло ее в покое. А вдруг это посыльный из лотерейного общества?

– Дорненфогель – это кто-то из наших соседей? – спросила она, но Эллен лишь покачала головой и снова устремилась в дом, чтобы прибраться на скорую руку, пока есть время.

Прошло, однако, не меньше получаса, когда раздался звонок в дверь. На пороге стоял мужчина приятной наружности с вздернутой верхней губой. На нем были джинсы, рубашка в клеточку, очень элегантные солнечные очки и светло-коричневая кожаная куртка. Под мышкой мужчина держал черную папку. Амалия открыла ему и тут же узнала, что гостя зовут Дорнфельд и что это он звонил некоторое время тому назад. «А вдруг это торговый представитель, который гнусными уловками рассчитывает подкатить к моей легковой маме? – подумала она. – Сейчас он достанет страховой полис, а кончится тем, что он притащит из своего автомобиля и попытается впарить пылесос или красное вино. Надо же быть таким наглым, чтобы рассчитывать провернуть это в воскресенье!»

После того как обе дамы и господин Дорнфельд опустили в кресла, Эллен вежливо спросила:

– Могу ли я вам что-нибудь предложить?

Пришлось Амалии идти за минеральной водой, что ее немало разозлило. Не будет ли еще что-нибудь угодно господину?

Подождав, когда Амалия сядет на место, господин Дорнфельд не торопясь сделал глоток, выждал паузу и только затем приступил к делу.

– Мой отец давно отошел к праотцам, а несколько недель назад умерла и мать, – начал он, заметно нервничая. – Среди оставшихся от них бумаг я обнаружил дневник, из которого следует нечто невероятное. По всей вероятности, отец не был мне родным, несмотря на то что таковым значится в моем свидетельстве о рождении.

После этого он опять взял продолжительную паузу.

Амалия напряженно следила за господином Дорнфельдом.

– И какое отношение это имеет к нам? – потеряв терпение, поинтересовалась Эллен.

– По-видимому, мы с вами брат и сестра, точнее сказать, единокровные, – ответил гость, внимательно посмотрев Эллен в глаза, отчего сам пришел в небольшое смущение.

Мать с дочерью от такого поворота будто проглотили языки.

– Я правильно поняла? Вы серьезно полагаете, что мой отец был и вашим отцом? – решила переспросить напрямик Эллен. – У вас есть доказательства или хотя бы какие-то основания так думать?

– Во-первых, мои родители поженились лишь перед самым моим рождением. Может, это и не столь существенный аргумент, но все же. Во-вторых... – Господин Дорнфельд достал из папки тот самый дневник и, пролистав, остановился на какой-то странице. – И во-вторых, моя мать оставила запись в день моего крещения:

*Я бесконечно благодарна Вальтеру за то, что он полюбил малыша как собственного ребенка. Теперь у меня есть надежда, что все еще наладится.
От Руди Т., к сожалению, ничего не дождешься, так как у него уже*

своя семья и, кроме того, он пытается представить дело так, будто я нацелилась на его деньги.

Эллен задумалась. Ее отца в самом деле звали Рудольфом, а «Т.» могла означать «Тункель». Она крайне недоверчиво изучала незнакомца, пытаясь найти в его чертах какие-нибудь наследственные черты.

– Господин Дорнкаат! Как вам пришла в голову мысль, что упомянутый в тексте Руди Т. мог быть моим отцом Рудольфом Тункелем? – спросила она, переходя на агрессивный тон. – Эти несколько строчек – единственное доказательство?

– Меня зовут Герд, к слову сказать, – ответил он. – Кроме этого доказательства, я нашел еще фото незнакомого мне мужчины, который внешне очень похож на меня. Убедитесь сами!

Амалия с Эллен склонились над фотографией человека, которого нельзя было ни с кем спутать. Это был он: одной – отец, другой – дедушка. Возразить было нечего. На обратной стороне фотокарточки зелеными чернилами было написано: «Твой Руди».

Недоуменное молчание прервала Амалия:

– Позвать бабушку?

И мать, и Герд Дорнфельд воспротивились. Возможно, она не догадывается об этом проступке мужа, и лучше ей и дальше оставаться в неведении.

Прежде всего Эллен хотелось выяснить, не находил ли предполагаемый братец полное имя ее отца в каком-нибудь документе, в письмах или других дневниковых записях? Оказалось, что нет. Чтобы разузнать все подробнее, он нанял детектива для поиска.

– В конце концов, я узнал, что моя мать до свадьбы жила в Мёрленбахе⁷ и работала в местной аптеке. Из этого можно сделать предположение, что и тот самый Руди тоже жил в этом местечке.

Амалию осенило: ведь это не более чем смутные гипотезы. Ясность может внести только генетический анализ. Сделать его не так сложно, если они оба согласятся.

Герд поблагодарил ее взглядом и одобрительно кивнул. Но Эллен в ответ покачала головой. Ведь этот человек ей совершенно чужой. Она не чувствовала в Герде ни родственной души, ни внешнего сходства. О загулах отца она ничего не желала слушать. Она любила и почитала родителя и не могла представить, что у него была любовная связь на стороне.

– Мне нужно время подумать, чтобы переварить ваши подозрения, – сказала Эллен строгим голосом и встала. – Оставьте вашу карточку, я сама дам вам знать.

Амалия была разочарована. Ей хотелось расспросить нового сводного дядю подробнее. Как звали его маму до замужества? Женат ли он сам? Если ли у него дети, а также неизвестные двоюродные братья и сестры? Кто он по профессии и где живет? Моложе ли он ее матери? Почему дедушка не признавал своего внебрачного сына? На большинство этих вопросов Герд Дорнфельд, пожалуй, и сам не знал ответов.

Как только гость ушел, Эллен захотелось глотнуть шнапса, чего с ней еще никогда не случалось. Она нервно постукивала пальцами по спинке кресла и вообще была чрезвычайно и пугающе взволнованна.

– Не сомневаюсь, что он обманщик! Но что ему от нас нужно? Что ты думаешь об этом типе?

Амалии он не показался таким уж несимпатичным. Она могла понять, что человек хочет разобраться в тайне своего происхождения. Несомненно, дневник матери произвел на него шоковое впечатление: кто знает, что еще там написано? Она быстро нашла его визитную карточку и громко прочитала: «Герд Дорнфельд, Апфельштрассе 24, 60322 Франкфурт». Номер телефона и электронная почта также были указаны – но ни титула, должности, назва-

⁷ Мёрленбах – коммуна в Германии, в земле Гессен. Подчиняется административному округу Дармштадт.

ния фирмы или хотя бы рода занятий. Амалия бросилась к компьютеру и ввела данные. Адрес совпадал, но любая другая информация, к ее разочарованию, отсутствовала.

Девушка задумчиво посмотрела на мать.

– Наверное, он одинок и разыскивает семью. На самом деле он здорово похож на дядю Маттиаса, – поделилась она, – но на тебя ничуть.

– В конце концов, у меня четверо братьев и сестер, – сказала Эллен. – Почему он пришел именно ко мне? Обзвоню-ка я всех по очереди, посмотрим, не знают ли они что-нибудь об этом похождении нашего отца...

Амалия все же призвала маму успокоиться: в конечном счете, скандальная история случилась в доисторические времена. Тем не менее дело показалось ей очень интересным, и захотелось немедленно обсудить его с Уве. Но мать строго наказала держать рот на замке.

Через два часа из сада вернулась бабушка Хильдегард. Она помнила, что во время ее отсутствия к ним должен был зайти некий человек.

– И кто же это был? Новый поклонник? – полюбопытствовала она не без иронии, однако ответа не получила. – По крайней мере, готовить я еще в состоянии, – пробурчала она оскорбленно и скрылась на кухне.

Амалия побежала за ней вслед.

– Бабушка, это приходил представитель правления, – соврала она, – мы быстро от него отделались.

3

Эллен была в семье самой младшей. После ухода Герда Дорнфельда она взяла телефонную трубку.

Старший брат Маттиас заверил ее, что он хоть и не юрист, но, как налоговый инспектор, в деликатных финансовых вопросах собаку съел.

– Даже если незнакомец на самом деле является внебрачным сыном нашего отца, – сказал он, – он не сможет претендовать ни на какие права. Ты же в курсе, что наши родители составили так называемое Берлинское завещание. После смерти папы дом и все имущество унаследовала мама. А она, в свою очередь, если поверить в твою забавную историю, не родня этому Герду Дорнфельду. У тебя сложилось впечатление, что он решил нас пошантажировать и потребует денег?

– Об этом, к счастью, речь не идет, – успокоила брата Эллен. – Амалия думает, что он всего лишь разыскивает свои корни, но мне вовсе не светит заполучить еще одного брата!

– Намек понял. Но, возможно, тут еще кое-кто нарисует. Дай-ка мне адрес, я займусь этим парнем, – пообещал Маттиас. – Меня не так просто запугать.

Маттиас был крайне удивлен, обнаружив, что Герд Дорнфельд проживает в западной части Франкфурта, где и он сам. До этого он был убежден, что тут живут только приличные люди.

Третьим по старшинству шел брат Эллен Хольгер. Он недавно перенес операцию и все еще лежал в больнице в Глазго. Волнения ему были противопоказаны. Второй на свет появилась сестра Эллен Криста. Она припоминала, что в отношениях родителей случился какой-то кризис, который чуть не привел к разрыву, но это было бесконечно давно, и причину она не знает. Как бы то ни было, когда она была совсем маленькой, то неоднократно слышала, как ругались родители, и в потоке слов не раз звучало «развод».

– Когда это было? – переспросила Эллен и узнала, что, должно быть, еще до ее рождения.

– По меньшей мере, это случилось в новейшей истории, – отчасти удовлетворившись, сказала Эллен. – Этот Герд примерно моего возраста. Возможно, я тогда была грудничком. И все-таки эта история кажется мне более чем сомнительной. Может, стоит осторожно расспросить мать?

– Если у нее остались незажившие раны, то не нужно их беречь, – решительно отреагировала Криста, и Эллен услышала, как сестра сделала глоток кофе. – Нашей мамочке выпала нелегкая жизнь. Слава богу, она сейчас хоть в какой-то степени счастлива, копаясь в саду.

Нет, конечно, Эллен ни в коем случае не намеревалась оживлять в ее памяти мучительные воспоминания. За всю жизнь Хильдегард Тункель не проронила ни единого слова осуждения в адрес мужа. Напротив, она говорила о нем только как об утонченном человеке и любящем отце. Он умер, когда Эллен было всего четыре года.

Осталось позвонить еще одной сестре, старше всего на год. В далеком детстве их отношения омрачали соперничество и ревность: Эллен считала, что отец больше любви отдавал симпатичной Лидии, тогда как Эллен, напротив, считалась маминой любимицей.

Услышав о внебрачном сыне папы, Лидия звучно рассмеялась:

– Папины чресла работали неутомимо. Тому свидетельство – пятеро детей. Кто знает, сколько братиков и сестреночек он нам настрогал по всему Южному Гессену. Зная старого ловеласа, я ничему не удивляюсь!

– У тебя есть конкретные улики?

– Только чутье. В конце концов, он был видным мужчиной и уж точно имел успех у женщин. А мама всегда была немного жеманной.

– Жеманной-то жеманной, но тем не менее рожала одного за другим! Стоило маме капельку выпить, как она начинала утверждать, что забеременела. И все из-за того, что папа на нее косо посмотрел. В то время ведь не было таблеток, и она, возможно, не хотела рожать шестого, и потому после моего появления на свет отказывала папе в постели?

– Хм-хм... Что мы знаем о способах предохранения собственных родителей? – отделилась отговоркой сестра и быстро попрощалась: ей надо было бежать открывать дверь гостям.

Амалия со своей стороны позвонила сестренке Клэрхен. От обретения нового дяди та тоже пришла в восторг.

– А какая у него машина? – первое, что спросила Клэрхен.

– BMW с франкфуртскими номерами, скорее всего люксовая, я думаю, но в любом случае тачка серьезная, четырехдверная, темно-синего цвета. Для прояснения вопроса я предложила сделать генетический анализ. Герд Дорнфельд согласился, но мама ни в какую.

– А в чем проблема? Сдай свою слюну на пробу, у племянницы и дяди в любом случае обнаружится парочка общих генов.

Затем сестры во всех подробностях обсудили своих приятелей и мужчин вообще.

– Раз уж мы начали об этом, то расскажи, каков собой наш новый дядя? – не терпелось узнать Клэрхен.

– Ну, выглядит довольно прилично. Однако не похож ни на маму, ни на меня, ни на тебя. У него английское лошадиное лицо, не такое треугольное, как у нас. Помнишь, папа иногда обращался к нам: «Ей вы, кошачьи мордашки!» Если он и похож на кого-то, то скорее на дядю Маттиаса. У него тоже рыжеватые волосы и светлые глаза.

На этом месте обсуждение нового члена семьи внезапно было прервано появлением Уве. Он собирался в кино, а заодно что-нибудь поесть у турок.

– Донер-кебаб делает человека краше, – попытался сострить Уве, потому что Амалия недовольно подернула плечом: лоскутки жареного мяса ей нравились еще меньше, чем пожизненные сырники.

Когда молодая парочка выходила из дома, бабушка Хильдегард стояла у садовой калитки. На приветствие Уве она ответила «добрый вечер», сделав ударение на слове «вечер», и недобрым оком посмотрела на серьгу в ухе и железку в носу, которыми украсил себя приятель ее внучки.

– Если будет модно, они и коровий хвост на шею повесят, – пробурчала Хильдегард себе под нос.

Хильдегард и Эллен ужинали вдвоем.

– Что-то я в этот раз много наготовила, – пожаловалась Хильдегард дочери. – Твой ребенок предпочитает щипать травку в другом месте. Моя стряпня ей не по нраву.

К столу были поданы мясной паштет, картофель в мундире и зеленый салат с грядки. Эллен тяжело вздохнула. Ее дочери жили на полном пансионе, но этого не ценили. Клэрхен в восемнадцать лет стала вегетарианкой и в два счета обратила в свою веру младшую. Впрочем, во время учебы в Кёльне Клэрхен познакомилась с японской кухней и отпала от строгого вегетарианства. Теперь она время от времени ела сырую рыбу, но лишь потому, что не могла позволить себе такую роскошь часто. Амалия же не смогла простить сестре смены убеждений и из упрямства превратилась в веганку: с презрением отвергала все продукты животного происхождения, обувь носила только из кожзаменителя, а вязаные вещи – из синтетики. Но и эта детская болезнь – как ее называла мать – постепенно себя изжила. Теперь в угоду Уве Амалия изменила взгляды на более гибкие, так как ему нравилось любое

мясо, желательно как можно большими порциями. Она хоть и воздерживалась от свиных отбивных и кебабов, однако в его обществе ела и мясо, и даже курицу.

Чтобы сменить неприятную тему, Эллен поинтересовалась у матери, какую еду предпочитал отец, поскольку она сама его почти не помнила. Теперь глубоко вздохнула Хильдегард.

– Папа редко ужинал вместе с нами. Когда вы все еще были маленькими, он пропадал на работе до поздней ночи. Незадолго до твоего рождения ему удалось продать фирму на очень выгодных условиях. После этого он уже работал нерегулярно как коммерческий советник, и у него появилось больше свободного времени. Тем не менее мои надежды, что он чаще будет оставаться дома, вскоре были разбиты.

Эллен попробовала осторожно выяснить причину и узнала, что ее отец, к всеобщей неожиданности, мутировал в старосту объединения.

– Он был буквально во всякой бочке затычкой: добился избрания в совет общины, вступил в Союз защитников отечества, в объединение рыболовов-спортсменов и певческое общество. Чаще всего он с друзьями обедал в каком-нибудь ресторане или трактире. Мы в то время часто ругались, потому что я все время оставалась одна с детьми на руках. Ведь мы рано поженились, и практически сразу в семье случилось пополнение. Тогда я была еще молода, но у меня было чувство, что меня перевели на запасный путь.

Эллен неожиданно вспомнила, что раньше у них была домработница, помогавшая матери. Вот тут и надо было подумать о себе!

– Да, верно, Кэте мне немного облегчила жизнь, – согласилась Хильдегард, – но мне хотелось освоить какую-нибудь профессию. Твой отец в этом вопросе был очень консервативным. Он считал, что денег семье и без того хватает, а место женщины дома. «Муж на коне, жена у печи», – любил он повторять.

Благодаря встрече с предполагаемым сводным братом у Эллен обострился слух. Не оттого ли, что признания мамы срезонировали с тем смутным образом отца, к которому они привыкли? Впервые в жизни мама призналась, что они с отцом ругались! Эллен вспомнила и про те воскресные дни, когда вся семья выходила на прогулку и по дороге заворачивала в сельский трактир, где подавали топлёный сыр с тмином или бутерброды с ветчиной. Во время таких прогулок папа был неподражаемым конферансье. Он развлекал и веселил на все лады, и от его сумасшедших затей все пятеро ребятишек хохотали до упаду. Это все был театр? Воскресные инсценировки? Отчего-то будничная жизнь совершенно не запечатлелась в ее памяти. Выходит, что в настоящей жизни у папы были подружки, параллельные жизни, другие дети?

Некоторое время женщины сидели молча, каждая про себя обдумывая прошлое. Первой тишину нарушила Хильдегард, у которой тоже накопились кое-какие вопросы.

– На что вообще живет этот человек?

Эллен вопросительно посмотрела на мать.

– Ну этот, фриз, с которым ходит наша Амалия.

– Мама, Уве – настоящий оденвальдец. И он самостоятельно зарабатывает на жизнь: ремонтирует компьютеры, пишет программы или помогает людям, если они что-нибудь в компьютерах напортачат. Жаль только, что он забросил учебу, кажется, он поступал то ли на машиностроительный, то ли на электротехнический факультет.

Женщины принялись меланхолично копаться в коричневатой картофельной шелухе, извлекли последние картофелины и больше к разговору не возвращались. Хильдегард подозревала, что и ее дочь не в восторге от долговязого Уве, дружка Амалии. Кроме того, она была в курсе, что и у второй внучки дела не больно-то складывались: партнер Клэрхен был

старше ее на двадцать лет, притом неразведенный, с двумя детьми-подростками. Ни тот, ни другой определенно не соответствовали представлению об идеальном зяте.

Понедельник никогда не был днем Амалии. Предыдущую ночь она провела у Уве, он отвез ее обратно в «женский монастырь» лишь около трех часов. В результате она валилась с ног от усталости, в приемной набилось полно народа, начальница ругается, как ландскнехт, у одной пациентки, истерички, такие плохие вены, что кровь удалось взять лишь с десятой попытки. Амалия не могла дожидаться обеденного перерыва и чашечки крепкого кофе. Обычно в обед она встречалась со своей школьной подругой Катей, работавшей в аптеке ассистенткой фармацевта. Вот и сейчас они, наскоро перекусив, сидели с латте макиато на базарной площади и обменивались новостями.

Мать хоть и запретила рассказывать кому бы то ни было, но Амалия не удержалась и выложила лучшей подруге все-все о захватывающем знакомстве с новоявленным дядей.

– Страсть как хочется узнать, правда ли все это, – закончила она. – Но мама не хочет сдавать анализы. У себя на работе я тоже не могу этого сделать.

Катя тут же напросилась в соучастницы. Она предложила просто-напросто заказать через аптеку набор материалов для теста, и тогда Амалия, не посвящая в это мать, могла бы послать дяде подарочек.

– После этого он пошлет свою и твою коробочки с пробами дальше, в генетическую лабораторию, а заодно и заплатит, так как это недешево. Никто от этого не пострадает, – успокоила в довершение Катя.

Через пару недель Амалия перешла к действиям: связалась с единокровным дядей. Звучит по-дурацки, как «мы с тобой одной крови», подумала она. Ей было лень сочинять длинное письмо, поэтому она нашла красивую почтовую открытку и написала своим детским крутым почерком:

Дорогой Герд!

Моя мама очень занята работой, поэтому я решила сама внести некоторую ясность в наши родственные отношения. Посылаю тебе безопасный комплект, проще говоря, коробочку с двумя стерильными ватными палочками для тебя и двумя моими пробами слюны, а также инструкцию, как поступить со всем этим дальше. С нетерпением жду результатов!

*С наилучшими пожеланиями,
твоя племянница? Амалия*

Спустя неделю она стала каждый день заглядывать в почтовый ящик – не пришел ли ответ от дяди Герда. Амалия не сомневалась, что он не стал тянуть с отправкой пакета в лабораторию.

Но она просчиталась. Герд с удивлением прочел открытку, и она привела его мысли в смятение. Откуда ему знать, что мазок действительно взят со слизистой оболочки рта Амалии? Проверить и подтвердить родство участников исследования могла специальная экспертиза, причем, по крайней мере, насколько он знал, экспертизу следовало проводить в присутствии незаинтересованного лица. С большой долей вероятности можно было предположить, что ватную палочку сунул в рот кто-либо из друзей Амалии, и таким образом его предполагаемая сестра надеется отместить любое подозрение в вероятном родстве. Ведь Эллен встретила его весьма прохладно. Наверняка у отца были и другие дочери, для всех них отец оставался непререкаемым авторитетом, и они и слушать не желали об одной из сторон его жизни. Вот Амалия, скорее всего, и пытается помочь матери.

В общем, Герд Дорнфельд решил пока засунуть коробку поглубже в холодильник.

4

Старший брат Эллен, Маттиас Тункель, проживал на Фихардштрассе во франкфуртском Вестенде. Он и думать забыл о путаном звонке сестры до тех пор, пока в солнечное воскресенье жена не попросила купить упаковку аспирина, а заодно бросить ее письма в ящик. Сама она не могла составить ему компанию, так как сильно простудилась.

Маттиас небрежно сунул конверты в карман и вышел на улицу. Вдруг ему пришла в голову мысль сделать крюк и глянуть на дом, в котором живет предполагаемый брат. До него было пешком минут двадцать. Да и погода располагала.

На Апфельштрассе, кроме нескольких жилых и офисных строений семидесятых годов, стояли лишь незатейливые секционные дома эпохи грюндерства⁸, преимущественно высокой категории. Маттиас остановился на противоположной стороне улицы. На фасаде здания была прикреплена табличка с названием конторы и электронным адресом: «Архитектурное бюро Юнгхан, Шмит и Дорнфельд».

Так-так, подумал Маттиас, стало быть, этот тип – архитектор. И в этой профессии – как, впрочем, везде – встречаются как люди преуспевающие, так и сидящие без гроша. В общем, тем не менее все выглядело вполне ухоженным и аккуратным, свежоштукатуренное здание концептуально было поделено на три-четыре части, украшено палисадником, да и с тыльной стороны наверняка имело двор или сад. Древний каштан на улице был поражен молью-пестрянкой и казался больным. Увы, как и деревья во многих других местах города, в частности, перед подъездом собственного дома Маттиаса Тункеля.

Маттиас простоял возле здания довольно долго и даже сделал пару снимков на мобильный телефон. Специально для Эллен. Когда он собрался уходить, парадная дверь отворилась, и из подъезда вышел человек. Недолго думая, Маттиас двинулся ему навстречу и спросил, не он ли будет Гердом Дорнфельдом.

Незнакомец слегка удивился, но признал, что это он и есть. Тогда и Маттиас Тункель представился. Несколько секунд оба напряженно изучали друг друга глазами, не произнося ни звука.

– Что же это я, прошу в дом, – с некоторым колебанием произнес Гerd. – Вам, скорее всего, уже известно, что на днях я был у вашей сестры. Но поскольку она мне с тех пор не звонила, то и мне не хотелось бы проявлять назойливость. Пусть пока все идет своим чередом.

Про сомнительное письмо от Амалии Дорнфельд промолчал.

Герд снова открыл дверь, и Маттиас последовал за ним по невероятно длинному коридору. По счастью, во время многочисленных ремонтов никто не решил заменить восьмиугольную светло-серую керамическую плитку с темно-синей вставкой посередине безликой современной.

– На первом этаже помещения заняты под конторы, а квартиру на втором я сдаю, – пояснил Герд Дорнфельд. – К сожалению, здесь нет лифта, придется подниматься по лестнице. Когда наши дети еще жили с нами здесь, мы отдали им верхние этажи. Сейчас мы перенесли спальню на третий, а жилую комнату устроили под крышей.

Значит, подумал Маттиас, у него есть дети и жена; к тому же он не производит впечатления бедняка. Все указывает на солидное состояние. Тункель тяжело ступал вслед за Гердом по бесконечным ступенькам – сказывалась отдышка и строительные стандарты столетней давности: в то время еще делали высокие перекрытия. На каждой лестничной пло-

⁸ Эпоха грюндерства – период экономического развития в Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии, продолжавшийся с окончания Франко-прусской войны (1870–1871) до экономического кризиса 1873 года.

щадке имелись два маленьких окошка в свинцовых рамах. Наконец Герд надавил на латунную ручку двери последнего этажа, и мужчины очутились прямо перед высоким зеркалом. Непроизвольно они дружно рассмеялись. У обоих были короткие рыжие волосы, удлиненные, покрытые мелкими веснушками лица, оба были одеты по-спортивному в одинаковом стиле. Разница (и существенная) было только в комплекции: архитектор был едва ли не наполовину тоньше.

– Я живу тут неподалеку, – сказал Маттиас. – Странно, что мы раньше не встречались. Однако вы куда-то собирались, когда я застиг вас у двери и помешал вашим планам...

– Пустяки, – успокоил его Герд. – Я собирался сходить за газетой. Не хотите бокал вина? Или лучше кофе? К сожалению, моей жены, Ортруд, нет дома, она помогает на благотворительном базаре или, выражаясь более благородно, участвует в благотворительном проекте.

Пока Герд ходил за вином, Маттиас с любопытством разглядывал обстановку. Хозяева превратили весь этаж в одно большое пространство без стен. Слева устроили мини-кухню, справа расположили библиотеку. Вид на улицу омрачало большое дерево, зато на противоположной стороне был встроен, по-видимому в более позднее время, потрясающий зимний сад, сквозь который просматривалась светлая зелень запущенного уличного сада. Повсюду были развешаны картины одного и того же художника.

– Томи Унгерер, – поспешил пояснить Герд, откупоривая бутылку, – мой самый любимый график. Я собираю его цветные литографии много лет и считаю его самым гениальным и остроумным рисовальщиком нашего столетия. Но к делу! Сейчас я покажу вам дневники моей матери, а главное – то, что я в них недавно обнаружил.

Маттиас прочитал те несколько записей, на основании которых Герд пришел к своим умозаключениям. Помимо дневника, взглянул и на фотографию их общего отца, которую Эллен уже видела. Лицо человека на ней Маттиасу тоже показалось знакомым. После всего этого сомневаться едва ли было возможно. Сводные братья чокнулись и перешли на «ты».

– Моя мать в молодости была крутой телкой, – рассказал Герд. – Вполне возможно, что она познакомилась с твоим, лучше сказать с нашим, отцом на репетиции хора. Как думаешь, стоит пройти генетический анализ, несмотря на то что факты однозначно говорят за?

– На всякий случай, – заверил Маттиас. – Все надо делать основательно. Иначе мои недоверчивые братья и сестры нам не поверят. Но расскажи, наконец, о себе, о юных годах, о семье!

Сводный брат не смог вспомнить ничего, что омрачало бы его детство. Человек, которого он считал своим отцом, был на десять лет старше матери. Он был любящим и тихим. От него Герду достался и дом, и знаменитая фамилия: родоначальником семьи считался Иммануэль Дорнфельд, именем которого окрестили сорт винограда. Родители, вероятно, хотели больше детей, но так получилось, что он стал их единственным ребенком. Изредка у Герда появлялось ощущение, что с его происхождением не все однозначно. Дедушка и бабушка с отцовской стороны не раз давали понять, что он пошел не в родню, и что это, мол, неудивительно. Но только сейчас ему стал понятен смысл тех обидных слов. Школа, учеба в институте, профессия, женитьба, двое детей – все это в жизни Герда случилось своим чередом. Маттиасу ровным счетом не к чему было прицепиться. Сводный брат, моложе его на десять лет, понравился ему с первого раза, причем он нравился даже больше, чем остальные братья и сестры.

– Сожалею, – признался Герд, – что свалился как снег на голову и огорошил твою сестру. Но я и сам находился в крайнем возбуждении, когда узнал имя и адрес своего предполагаемого отца. Если бы я повел себя более осмотрительно, то Эллен, возможно, отреагировала бы на меня лучше. У нее были все основания отнестись ко мне со всем здравым скепсисом. Еще немного – и она бы меня вышвырнула.

Незаметно они перешли ко второй бутылке красного, благо никому не нужно было в выходной садиться за руль. Маттиас позвонил простуженной жене и сообщил, что встретил знакомого и вернется попозже.

Братьям было что рассказать друг другу. По мере общения они находили все больше общих черт, в числе которых – почти невротическая аритмомания, которой оба страдали вплоть до подросткового возраста. Затем они начали бахвалиться и неминуемо вошли в раж. Герду, естественно, хотелось как можно больше узнать об отце. Маттиас выдвинул идею, что хорошо бы в скором времени организовать семейную встречу, чтобы все смогли познакомиться с новым братом:

– Правда, наш клан разбросан по всей Германии, а Хольгер и вовсе много лет живет в Шотландии. Он тебе непременно понравится. Его девиз «Enjoy the enjoyable!»⁹. По такому важному поводу надобно протрубить большой сбор, и пусть приедут все.

– А ваша мама? – осторожно поинтересовался Гerd.

– Хочешь не хочешь, но когда-нибудь придется посвятить ее в это дело, – возразил Маттиас. – Нужно только проявить деликатность и сообщить в максимально тактичной форме.

Ближе к вечеру вернулась хозяйка дома и очень удивилась новоиспеченному деверю и не меньше – игривому настроению подвыпивших мужчин. Маттиас принял одежду Ортруд за брюки, хотя в шифоне она выглядела изящно и элегантно. Поскольку жена Герда, конечно, знала предысторию событий, то быстро сообразила, что происходит братание в прямом смысле слова, и выдвинула предложение сходить куда-нибудь вместе поужинать. При этих словах Маттиас вспомнил, что пора и честь знать, пробормотал что-то о приболевшей жене и попрощался. На обратном пути вспомнил про письма и про аспирин, но аптека давно закрылась.

Жена со страдальческой миной лежала на диване.

– Ну наконец-то! – вымолвила она, подняв руку.

Маттиас был уверен, что знакомство с новым братом – это достаточное оправдание, но его жена придерживалась другого мнения. Раздосадованный, он укрылся у себя в кабинете и позвонил Эллен. Однако недавний душевный подъем куда-то улетучился.

– А что, собственно, от нас нужно этому постороннему человеку? – спросила она. – Ведь нас и так уже пятеро, и шестой не нужен.

– Бог мой! Да он рос единственным ребенком! Будь ты на его месте, разве не приняла бы как чудесный подарок, если бы, так сказать, с сегодня на завтра получила нового братика?

– Я предпочла бы остаться единственным ребенком, – уперлась Эллен. – Младший всегда остается с носом. – И она раздраженно бросила трубку.

Она до сих пор не может не разыгрывать сцены, ну прямо как подросток, подумал Маттиас. Она на все реагирует преувеличенно и устраивает театр из ничего. Возьмем гнусную историю с ее бывшим, злосчастным Адамом Шчепаниаком. Она довела представление до финала с такой эмоциональной силой, что бедняга до сих пор зализывает раны. Стоило Маттиасу представить, как Эллен запулила мужнины очки в палисадник и как почти раздетый и подслеповатый Адам бросился за ними в ледяную ночь, а Эллен заперла дверь и открыла лишь после того, как появилась полиция, как он не смог удержать ухмылку, несмотря на всю трагикомичность ситуации. И поделом ему, решил Маттиас. Он бы тоже не простил Адаму скандал, в который тот влип с дочерью.

⁹ Получай удовольствие от всего, что может доставить удовольствие! (англ.)

Вечером в субботу Амалии, само собой, не было дома, а с матерью Эллен, к сожалению, о Герде Дорнфельде поговорить не могла. Маттиас, хотя и пообещал поначалу, что будет считать версию о любовном походе отца глупым вымыслом, теперь переметнулся на другую сторону. По его убеждению, Герд затеял все это не ради денег, а лишь для того, чтобы наладить дружбу с новыми родственниками. Неужто одиночество заставило этого человека на такое пойти? И не окажется ли в конце концов, что они станут жертвой грандиозного мошенничества в особо изощренной форме?

В скверном настроении Эллен пришла на кухню, чтобы доесть холодные сырники, которые она предварительно обильно посыпала коричневым сахаром, чтобы потом обсыпать себя за это проклятьями. В ее возрасте нужен чертовски серьезный контроль, не то на весах немедленно набежит пара лишних кило. Я постепенно превращаюсь в старую ворчливую бабку, подумалось ей. В сущности, что плохого мне сделал Герд Дорнфельд? Он не вел себя ни нагло, ни заносчиво, напротив, старался быть приветливым. Теперь Эллен сама уже почти сожалела, что держалась с ним грубо, а тут еще и с братом резко поговорила.

Внезапно за спиной возникла мама. В мягких тапочках, она беззвучно спустилась из верхней квартиры. Эллен ненавидела, когда она вот так коварно подкрадывалась сзади.

– Ребенка дома нет? – спросила Хильдегард.

Этот вопрос разозлил Эллен еще больше.

– В двадцать четыре года девушка больше не ребенок, – ответила она. – В эти годы у тебя самой давно были дети. Амалия вот уже шесть лет как достигла совершеннолетия и может делать что хочет!

– Да, время летит, – поддержала тему Хильдегард. – Надеюсь, она не вляпается с этим непонятным Уве в какой-нибудь скандал.

И без того раздраженная Эллен перешла на почти агрессивный тон:

– Не ты ли мне недавно рассказывала, что сама тоже не всегда была довольна жизнью с папой? – язвительно заметила Эллен. – Тем не менее у него водились деньги, а у Уве нет. Не считая этого обстоятельства, у парня нет других недостатков. Впрочем, какое тебе дело, с кем моя дочь проводит ночи. Не каждому выпадает счастливый билет. Разве у тебя самой жизнь состояла из непрерывного счастья?

– Не знаю, на что ты намекаешь, – ответила старуха и, обидевшись, ушла.

«И всем-то я немила, – подумала Эллен. – Ни маме, ни братьям и сестрам, ни дочери не угождаю и никому не приношу радости. С мужчинами и подавно не ладится. На работе тоже переливаю из пустого в порожнее». Унылая, безотрадная рутина: уведомления, открепления, переадресации, выдача паспортов и удостоверений личности, противные пререкания с иностранцами, которые не говорят ни по-немецки, ни по-английски. Недавно пришлось отказать одному в виде на жительство, так он обозвал ее нацистской свиньей – как из ушата окатил. Может, она сама виновата: не проявила достаточного терпения, говорила с бедным парнем раздраженно? Но, в конце концов, ей положено придерживаться правил даже в тех случаях, когда по отношению к ней люди ведут себя не очень-то доброжелательно.

Эллен приняла три таблетки валерьянки с хмелем и легла в постель.

5

Один из бывших школьных товарищей Маттиаса работал старшим врачом в лаборатории. На какое-то время одноклассники потеряли друг друга из виду, но это не помешало Маттиасу обратиться к нему за консультацией.

Само собой разумеется, он проведет генетический анализ, заверил его врач, который и сам загорелся. Неужто у Маттиаса неприятности с ведомством по делам молодежи?

– Нет, речь идет о выяснении отцовства, и у дела есть свои сложности, – объяснил Маттиас. – В большей степени меня интересует, есть ли у меня сводный брат.

По словам специалиста, процедура займет несколько больше времени, чем предполагал Маттиас, и обойдется ему чуть дороже, чем он рассчитывал, однако нет ничего невозможного. Результаты исследования с большой долей вероятности ответят на вопрос, идет речь о кровном родстве или данный человек не имеет к семье Тункель никакого отношения. Маттиасу было дано поручение обговорить с Гердом сроки.

Через несколько дней оба ехали в автомобиле в лабораторию, чтобы сдать пробы слюистой оболочки рта на ДНК-тест.

– Ведь ты хорошо знаешь Амалию, – начал Герд. – Что ты о ней думаешь?

– Ну, я бы не сказал, что так уж хорошо знаю племянницу. Наша-то дочь постарше и молодыми кузинами никогда не интересовалась, – ответил Маттиас. – Я самый старший из детей, а Эллен – последний, избалованный ребенок. Она моложе меня на целых одиннадцать лет. В детстве мы вместе почти не играли: я обзывал ее *заразой*, она считала меня заносчивым хлыщом. Ее дочка Амалия – симпатичная девушка, и больше мне нечего сказать.

– Я потому спросил, что Амалия недавно прислала мне письмо с образцами своей слюны, – сказал Герд. – Шутки ради я захватил сегодня коробку, потому что твердо убежден: наша красотка захотела меня провести.

Маттиасу эта мысль тоже не показалась невероятной. Впрочем, идею изучить пробу Амалии он одобрил. Возможно, у него появятся основания доказать сестре Эллен, что ее дочь – тоже проныра и отнюдь не невинный ангелок. С другой стороны, согласится ли лаборатория в принципе исследовать и сопоставлять с другими данными чей-то мазок без требуемых данных об этом человеке?

Врач выслушал историю с пробой Амалии и улыбнулся:

– Технически это сделать нетрудно, но экспертного заключения ты от меня не получишь, и в суде использовать эти данные будет нельзя. Для тебя третью пробу я обработаю бесплатно.

Возвращаясь, братья злорадно потирали руки, предвкушая радость разоблачения.

– Вот удивится Эллен, когда окажется, что проба ее славной дочурки на самом деле от совсем постороннего человека! – сказал Маттиас.

– Разве только сама Эллен не стоит за всем этим, – осторожно усомнился Герд.

В тот же вечер Маттиас позвонил сестре и рассказал, что они с Гердом сдали пробы слюны на генетический анализ. Тем временем Эллен примирилась с мыслью, что у нее появился еще один брат, и отреагировала на новость относительно спокойно, сказав лишь:

– Что ж, если это принесет тебе душевный мир...

От разговора у Маттиаса осталось чувство, что Эллен не подозревала о самовольном поступке дочери.

Из-за дрянной погоды Амалии волей-неволей пришлось провести половину выходных в постели с другом. Комната Уве, захламленная запчастями, проводами и другими непонятными железками, где почти не было никакой мебели, Амалии совершенно не нравилась. Она

все время думала, как ее оживить и придать более или менее обитаемый вид – на те мизерные деньги, какие были в их распоряжении. А пока ей было не по себе еще и потому, что она не выносила отца Уве. Парочка еще не успевала удалиться, а отец уже ворчливо посылал им вслед недвусмысленно-бесстыдный намек:

– Предохраняться хоть не забывайте!

Жилая комната, в которой неотвратимо заканчивался каждый рабочий день отца Уве, в целом представляла собой своего рода художественное произведение. На диване сидели и тарасили глаза безобразные куклы пятидесятих годов. Почти все оставшееся пространство занимали вязаные подушечки, практически не оставлявшие свободного места для людей. На стенах висели два термометра, «Заяц» Дюрера, раскрашенные деревянные тарелки, подкова, засушенные цветы в рамках, пустые пасхальные яйца, кованые металлические кресты, настенный ковер из Лурда и неопишимо пошлые почтовые открытки. Мать Уве умерла четыре года назад, и с тех пор, похоже, здесь никто не стирал пыль, и Амалия беспрестанно чихала. И сколько бы она ни намекала на это папаше, тот отделивался одними и теми же словами:

– Да-а, эт' надобно-ть ээ...

Чтобы сегодня не сталкиваться нос к носу с чудовищем, Амалия упрямо не выходила из тюремной камеры, как она называла комнату Уве, и возлюбленный подал ей еду прямо в постель. Нужна куча денег или доходная работа – и как только она раньше проходила мимо этой очевидности!

– Если бы тебе предложили профессию, о которой ты мечтал, то что бы это было? – поинтересовалась она после того, как прикрыла голое тело до груди скомканным пуховым одеялом и взяла у Уве кофейную чашку.

– Меня полностью устраивает то, чем я занимаюсь, – ответил Уве. – Ты хоть знаешь, как мне бывают рады после нескольких часов безрезультатной битвы со своим компьютером, когда его уже готовы швырнуть в окно! В эти минуты я чувствую себя ангелом-спасителем. А ты? Чем бы ты хотела заниматься?

– Я бы хотела учиться, но для этого нужно сдать экзамены на аттестат зрелости. В школе я не особо напрягалась. Теперь жалею. Пошла бы учиться, например, на... – Взгляд девушки блуждал вслед за мыслями и в какие-то мгновенья выражал явное неодобрение. – ... На дизайнера по интерьерам. Моя мама мечтала стать актрисой, но бабушка отговорила.

– Почему?

– Наверное, так было разумнее. На административной службе много не заработаешь, но, по крайней мере, платят регулярно. Могла ли она стать суперзвездой и получать астрономические гонорары? Сомневаюсь.

– Вот так разбиваются мечты... – философски заметил Уве.

Через две недели после посещения лаборатории Маттиасу позвонил приятель-врач. И вот они с Гердом снова в пути.

– Ну и? – с нетерпением спросил Маттиас у врача. – Мы кровные братья?

– *С вероятностью, близкой к уверенности.* Ты доволен такой формулировкой?

– Вполне, – заверил его Маттиас. – Спасибо тебе. А ты проанализировал пробы моей племянницы?

– Разумеется, и неоднократно, так как результат не удовлетворил меня в полной мере. Но каждый раз я приходил к одному и тому же заключению: твоя племянница не состоит в родстве с твоим кровным братом.

– Именно такой результат мы предвидели! Чертовка хотела нас обмануть и послала пробу не своей слюны! – торжественно воскликнул Маттиас.

– Вполне вероятно. Потому что по твоей пробе близкородственная связь определяется довольно четко. Я и сам не могу точно объяснить, что это значит. Как бы то ни было, подобные исследования довольно часто раскрывают темные семейные тайны. Поэтому вам самим решать, стоит ли продолжать исследование или лучше поставить точку.

– Само собой разумеется, я хочу продолжить! – выпалил Маттиас. – Это же крайне интересно! Но ты точно уверен, что сюда не могла вкратиться техническая ошибка?

– Для подстраховки можно было бы взять мазок слюны еще и у твоей сестры – то есть матери этой девушки. В подобных случаях я всегда так делаю.

– Моя сестра Эллен в этом деле предпочла занять позицию стороннего наблюдателя. Сомневаюсь, что мне удастся ее сюда затащить. Но в качестве эксперимента можешь дать мне с собой набор для анализа, возможно, у меня получится взять у нее пробы на дому.

Школьный приятель вытащил несколько коробок и произнес:

– Честно говоря, меня самого ваш случай несколько заинтересовал. И, само собой, я в любое время готов выполнить дополнительные тесты или дать совет.

При этих словах доктор изобразил легкий игривый поклон, не лишенный иронического смысла.

Маттиас поблагодарил приятеля, и они с Гердом уехали. По дороге он все ломал голову: если его приятель – как ни крути, опытный и уважаемый специалист – пришел к такому результату, то наверняка на то были причины. Однако тем самым он пошатнул все существовавшие до сих пор теории. Раз Амалия приходилась ему племянницей, то и с его кровным братом у нее должна прослеживаться родственная связь, пускай и чуть меньшая в процентном отношении. Врач назвал ему цифры, которые Маттиас опять забыл. Выходила арифметическая задачка, которую он не в состоянии решить. Как же теперь быть? Предложить пройти тест всем братьям и сестрам? А если выяснится, что кто-то из них был усыновлен? Или кого-то сразу после появления на свет случайно перепутали? Он хорошо помнил две последние беременности матери, помнил, как крестили Лидию, Хольгера и Эллен. Если начать всех пристально сравнивать между собой, то лабораторные исследования выльются в копейку, рассуждал он, хотя все, кроме Эллен, и небедные люди.

Герд, видя озабоченность брата, с тяжелым сердцем попытался его отвлечь:

– Хорошо, что сегодня прояснилось дело относительно нас двоих. И все же я сожалею, что ненароком растревожил осиное гнездо.

Да, думал в этот момент Маттиас, что-то не сходится. И что это за семейная тайна, на которую намекал врач? Появление нового кровного брата – уже большая неожиданность, но выходит, что нужно готовиться к следующим сюрпризам.

Маттиас решил для себя, что сначала посвятит в ситуацию Хольгера, потом – Кристу и Лидию. А лишний раз действовать на нервы Эллен пока воздержится.

Проживавшего в Шотландии Хольгера тем временем выписали из больницы. Дело увлекло его не меньше самого Маттиаса – не каждый день обретаешь нового брата. Хольгер потребовал, чтобы Маттиас подробно рассказал, как выглядит новый родственник и насколько он симпатичен. Историю с Амалией он посчитал второстепенной: не все ли равно, состоит она в родстве с Гердом?

Старшая из сестер, Криста, увидела вещи по-другому: в ее голове тут же стали громоздиться разные фантастические теории.

Лидия, напротив, выразила свою точку зрения кратко и лаконично:

– Пора поговорить с мамой! Если вы этого не сделаете, струсите, то я это сделаю сама и уже сегодня ей позвоню!

– С этим в любом случае надо обождать, – воспротивился Маттиас. – Мы же не хотим причинить ей боль! Не исключено, что она понятия не имеет о похождениях папы.

– Если мы действительно собираемся организовать семейную встречу, то без мамы никак не обойдешься! Нельзя же, в конце концов, вот так взять и поставить ее перед фактом на семейном обеде: вот, мол, наш новоиспеченный кровный брат – словно вытащить кролика из цилиндра. В общем, так: можешь делать что угодно, но с этого момента я беру маму на себя. У женщин такие вещи все равно лучше получаются.

И Лидия повесила трубку.

Каждый раз одно и то же: три его сестры, к сожалению, имели привычку прерывать разговор властно и на полуслове. После слов сестры Маттиас несколько пал духом. Ну что ж, осталась Эллен, которая каждый день ужинала с мамой за одним столом; кому, как не ей, подобрать слова и осторожно, не травмируя, объяснить, в чем дело? К тому же Лидия умеет говорить только напрямик, дипломат из нее никчемный.

Таким образом, осталась лишь одна, последняя возможность уладить все миром: Эллен должна опередить Лидию. Но ни той, ни другой, как назло, дома не оказалось. Ох уж эти женщины, вздохнул Маттиас и повесил трубку.

Хильдегард Тункель не услышала, как телефон несколько раз разрывался от звонков, потому что она работала в саду. Когда на дворе стало смеркаться, на прогнившую скамейку к бабушке под села Амалия. Обе хотели бы послушать соловья, но соловьи не пели, и слушатели довольствовались последними тактами песенки дрозда и оглушительной музыкой из проезжавшего мимо автомобиля. Хильдегард по опыту знала, что цветы начинают пахнуть сильнее, если их опылил ночной мотылек. Ее цветы не могли произвести на мотыльков впечатление яркими красками, зато обладали другим преимуществом – сводящим с ума запахом, которым заманивали летающую живность не менее эффективно. Наверное, поэтому почти все цветы были белыми, а тяжелый аромат начинали испускать лишь в вечерние часы. В саду Хильдегард росли ослинник, белые лилии и декоративный табак. Вот и сейчас, в этот теплый вечер, она с удовольствием вдыхала насыщенный ароматами воздух.

Так вышло, что первой до мамы дозвонилась Лидия. Случилось это поздно. Хильдегард пришлось выслушать на сон грядущий историю о том, что у ее супруга был внебрачный сын, который, стало быть, приходится кровным братом ее детям, и что все дети горят желанием в ближайшее время с ним познакомиться. Пожилая женщина отвечала сдержанно, ограничиваясь односложными «так, так», а под конец и вовсе вынудила дочь закруглиться:

– Ну довольно, Лидия, я очень устала.

Но через пару секунд добавила:

– Ты еще на проводе? Тогда посмотри в окно. Скоро полнолуние. Спокойной ночи, малышка.

Малышкой она обыкновенно звала только Эллен или, в крайнем случае, кого-либо из внуков. Лидия испугалась. Неужели новость настолько выбила маму из колеи, что она не смогла оценить важность сказанного? Одновременно Лидия почувствовала себя виноватой перед Маттиасом. Старший и более благоразумный брат советовал ей не выкладывать все сразу.

На следующее утро спозаранку, когда еще не пробило семь, Лидия позвонила Эллен и сразу начала с вопроса: «Встала ли уже мама?» Эллен спешила. В момент звонка она садилась завтракать. Кроме того, ей нужно было успеть прочитать газету и поторопить Амалию. Отчет Лидии о вчерашнем вечернем разговоре привел ее в немалое удивление.

– Посмотри, пожалуйста, не встала ли уже мама, – попросила Лидия. – Она так странно отреагировала, что я боюсь, как бы она чего с собой не сотворила.

– Ты ее плохо знаешь, – последовал ответ сестры. – Мама вовсе не сентиментальная натура. Впрочем, я слышала звук спускаемой воды в туалете. Она обычно встает не раньше, чем мы уйдем. Лидия, я тебе позвоню в обеденный перерыв, и там посмотрим.

На этом Эллен решительно прервала связь, как это любили делать все сестры.

6

С недавних пор Эллен знала, как на профессиональном языке называется боязнь мышей: музофобия. Мама никак не могла понять, почему дети боятся этих безобидных зверьков. Сама она без церемоний могла поймать и взять в руки практически любое существо, знала, чем его кормить, и легко приручала. Правда, с такой же непринужденностью и убивала животных, если было нужно. Из ее пятерых детей только Эллен впадала в истерику при виде крошечного мышонка. А недавно, обнаружив под диваном серый комочек из пыли и паутины, так ужасно кричала! Вот внучка, что ни говори, другой закалки. Как-то раз подруга оставила ей на попечение на пару недель змею – и ничего.

Надо ли говорить, что страдавшая музофобией Эллен естественным образом восприняла как дурной знак, что ее сослуживица этим утром в подробностях расписывала всем встречным и поперечным, как она нашла на кухне вялую, наверное на сносках, мышку и как задержала несчастное животное с помощью колпака для сыра. В обед Эллен так и не смогла притронуться к бутерброду с жирной ливерной колбасой и, выбрав меньшее зло, в душевном расстройстве позвонила сестре.

Первым делом она узнала от Лидии, что анализ ДНК провели и с пробой слюны Амалии. Эллен немало рассердило, что дочь повела себя как интриганка и за ее спиной связалась с Гердом Дорнфельдом.

– Верится с трудом, но это так, – сказала Лидия. – Наш ловкий Маттиас действительно заманил этого господина Дорнфельда в генетическую лабораторию! Слава богу, анализ ДНК – это квантовый скачок в науке, раньше-то степень родства никто бы с надежностью не подтвердил. Герд на самом деле приходится нам кровным братом, но при этом Амалия не является его кровной племянницей. Тебе это понятно?

– И ты посмела докучать нашей бедной мамочке этой бредятиной? – разгневанно прокричала Эллен. – Скажи, ты в своем уме?

Лидия обиделась:

– Я никому не позволю говорить со мной в таком тоне. Маттиас смалодушничал и побожился выложить маме факты. Но кто-то же должен был это сделать, так что вы все должны быть мне благодарны.

– В таком случае спасибо тебе сердечное за нахальство, – ответила Эллен и повесила трубку.

Вот теперь она могла откусить от бутерброда, но из глаз некстати брызнули слезы, и Эллен подавилась.

Ближе к вечеру она пришла в себя и решила, несмотря ни на что, делать вид, будто ничего не случилось. Амалия ушла в кино, Хильдегард занималась стряпней, и если в ее поведении что-то и вызывало беспокойство, так это то, что вместо традиционных сырников она приготовила красный перец, фаршированный рисом. Только что протертый древний кухонный стол блестел и благоухал оливковым маслом. Этот аппетитный запах нравился обоим женщинам.

– Я слышала, тебе звонила Лидия, – осторожно начала Эллен.

Мать была занята пережевыванием пищи и потому только кивнула.

– И что ты скажешь о новостях?

Эллен попыталась зацепиться за тему, но ее лицо некстати покрылось красными пятнами, выдавая неловкость.

Хильдегард проглотила кусок.

– Не переживай, – ответила она неожиданно невозмутимо. – Этот молодой человек тут не виноват.

– Мама, он уже немолод, он старше меня!

– Да я знаю, – сказала Хильдегард, – для меня и ты все еще молодая.

В конце концов старушка призналась, что всегда знала о существовании Герда Дорнфельда.

– После того как твой отец продал фабрику, он некоторое время ходил сам не свой, словно его подменили. Казалось, он рвался получить от жизни все удовольствия сразу. Впоследствии я не раз размышляла над этим. Мне кажется, Рудольф предвидел свою раннюю смерть и стремился прочувствовать жизнь еще и еще. Однако эту неловкую ситуацию он исправил в своей неподражаемой манере.

Эллен не совсем поняла, что имела в виду мать. Но та не заставила себя ждать и рассказала, что покойный отец позаботился, чтобы его беременная подруга вышла замуж за порядочного человека. С деньгами кое-что удастся обратить во благо. Большого выведать у старой женщины не получилось, однако воспоминания об этом случае ничуть ее не смутили и не расстроили.

– Давно это было, – отмахнулась она. – Тогда я сильно страдала, но время лечит раны. Ну, раз вы планируете семейную встречу, то я с удовольствием приму в ней участие. Да мне и самой любопытно взглянуть на этого внебрачного ребенка. Как он выглядит?

– Можно сказать, немного похож на Маттиаса. Но, мама, почему же ты ни словом не обмолвилась о папиных похождениях?

– Дети и не должны знать все о родителях. Придет время, они так и так догадаются, что родители тоже люди, а не ангелы. Ты сама разве посвятила дочь во все пикантные подробности вашей жизни с Адамом?

«В сущности, она права, – подумала Эллен, – я никогда не могла похвастаться такой аристократической выдержкой». Она нерешительно обняла маму и поняла: на сегодня будет. Любимая мамочка пощадила детские души, и им следует отплатить ей тем же.

В растроганных чувствах Эллен прилегла на диван и уснула перед включенным телевизором. Сквозь сон она услышала, как открылась входная дверь, но решила, что разберется с Амалией завтра.

По пути на работу Эллен попыталась устроить дочери нагоняй, но Амалия ее тотчас прервала:

– Мама, ты все видишь в неправильном свете! Я всего лишь хотела доказать, что этот Герд Дорнфельд не обманщик, и ни в коем случае не собиралась наносить тебе удар в спину. Напротив, хотела, как лучше. Я же видела, что ты ему не поверила.

– Что ж, с этим не могу не согласиться, – вздохнула Эллен. – Твоя бабушка, как ни печально, тоже в курсе дела. Вижу, как на меня надвигается буря!

Дочь лишь улыбнулась в ответ. Вся эта история казалась ей захватывающей.

Буря не заставила себя долго ждать. Тем же вечером Эллен по очереди позвонили все братья и сестры. Всегда обстоятельный Хольгер объяснил, что он может появиться на семейном сборе только во время отпуска – то есть не в этом месяце. Маттиас внес предложение – на первый раз не брать с собой детей, если они у кого есть: достаточно собраться пятерым братьям и сестрам с женами или мужьями (у кого есть), естественно, новому брату и маме. Криста со своей социальной жилкой пожелала точно знать, как отреагировала на новость Хильдегард. После трех подробных обсуждений Эллен была не в состоянии больше подходить к телефону, но ей все-таки пришлось это сделать и некоторое время потратить на пререкания с Лидией. Лидию всегда интересовала чисто практическая сторона дела:

– Где должна произойти судьбоносная встреча?

– Тут Маттиас вроде предлагает у него на квартире. Там много места, – сказала Эллен. – Кроме того, он первым предложил организовать это сомнительное сборище. Всем нам было бы удобнее собраться во Франкфурте, а Хольгер прямо с аэродрома мог бы добраться на такси.

– Это не лучшая идея. Мама всегда плохо переносила езду в автомобиле, – возразила Лидия. – Остальные также считают, что лучше собраться у вас в Мёрленбахе. Встреча в бывшем семейном гнезде – это очень стильно.

Эллен уже предчувствовала, на кого повесят все хлопоты по подготовке. Кроме того, у них в доме не было гостевых комнат.

Она уже обо всем подумала, заверила Лидия. Дорога от Франкфурта до Оденвальда занимает всего час. Поэтому Хольгер со своей женой Морин могут пожить у Маттиаса, а возможно, он примет и Крису с мужем Арно. Герд так и так в тот же вечер вернется домой. Остается только она, а это уже не такая большая проблема. Она могла бы переночевать у Хильдегард или у самой Эллен на диване.

– Таким образом, тебе нечего бояться, что кто-то из мужчин осквернит ваш девичий лагерь, – закончила Лидия.

– А что с твоим Манфредом? – спросила Эллен и узнала, что тому до лампочки, что происходит в невротической семейке партнерши, и поэтому он никуда не собирается.

– В последнее время я превратилась в почти такую же мужененавистницу, как ты или мама, – призналась Лидия, – но, в отличие от вас, я не оставляю попыток найти нормального парня.

– Хорошо же вы наладились строить планы без меня, а я, как дура, в стороне и не имею представления, что происходит, хотя бы в общих чертах, – не на шутку рассердилась Эллен.

После последнего телефонного разговора в этот вечер она окончательно капитулировала. Не посчитали нужным поинтересоваться мнением мамы! А кто, в конце концов, будет на всех готовить? Дайте-ка угадаю: все та же старенькая Хильдегард! Причем по такому поводу гороховой похлебкой не отделаешься». Произведя нехитрые расчеты, Эллен вычислила, что приедет двенадцать человек. И хотя юное поколение решено с собой не брать, Амалию никуда не денешь.

Больше всего Эллен сердилась на Лидию. Еще в детстве та играла не в куклы, а исключительно с плюшевыми зверями и конструктором «Лего», отчего уже тогда считалась феминисткой. Позже сестра научилась дурно обращаться с друзьями, и чудо, что теперешний ее партнер выдержал с ней четыре года. Лидия хотя и была второй по старшинству, вовсе не стала «бутербродной сиротой», страдавшей от недостатка любви. Лидер по характеру, Лидия неуклонно добивалась выполнения своих претензий. Эллен оставалось противостоять сильной натуре сестры лишь с помощью драматических сцен, темпераментных тирад и припадков бешенства, и тем не менее каждый раз появлялось ощущение, что ее оставили с носом.

Все так или иначе добились благополучия. Налоговый инспектор Маттиас хорошо зарабатывал; Хольгер, преподававший германский вокал в Королевской академии музыки в Глазго, едва ли мог прожить на зарплату, но удачно женился на богатой. Криста поступила примерно так же: некоторое время она изучала психологию, но вскоре поймала в свои сети удачливого предпринимателя крайне консервативных взглядов; Лидия время от времени выступала посредником при операциях с недвижимостью, хотя в этом не было никакой необходимости, поскольку ее неплохо подстраховывали два состоятельных бывших мужа. Эллен могла лишь пожалеть, что ее жизнь не сложилась столь же благополучно, как у более удачливых братьев и сестер.

Уже на следующий вечер Маттиас вновь позвонил. Лучше всего будет, если он заскочит к ним в ближайшие выходные. Они с женой в любом случае планировали куда-нибудь

выбраться. Тогда он мог бы, пользуясь случаем, поговорить с мамой обо всем без спешки и суеты.

– Мы захватим что-нибудь к чаю, – успокоил брат. – Можешь не волноваться по поводу приготовлений. И мы надолго не задержимся. До встречи!

Противиться было бессмысленно, тем более что мама не помнила себя от радости, когда выпадал случай обнять ее любимца – удачливого в жизни, порядочного, доброго Маттиаса. Хотя все жили относительно недалеко друг от друга, навестить маму приезжали хорошо если раз в год. Тут уж Эллен не сумела сдержать чувств и съязвила:

– Да уж, мама сделает сальто от радости, что к нам пожаловал кронпринц!

Маттиас рассмеялся, хотя столь нарочитая лесть его немного смутила.

Несмотря на то что в детстве Эллен сильно ревновала к старшему брату, сегодня она относилась к нему гораздо лучше, чем к остальным. Маттиас всегда охранял и защищал братьев и сестер, особенно когда они еще были маленькими. В начальной школе им всем присвоили прозвища: Кристу стали звать *криворожкой*, за Хольгером закрепилось *остолоп*, Маттиаса прозвали *дохтуром*, Лидию – *гаденышем*, а Эллен – *коротышкой*. Всех вместе звали *тункелевским отродьем*. Во времена, когда предки были еще полны сил, уважения было больше, как-никак на дедушкиной текстильной фабрике иной раз работали до пятидесяти рабочих. Их семью не просто уважали, но ценили. И так продолжалось до тех самых пор, пока у руля предприятия не встал Рудольф Тункель. Он модернизировал фабрику, уволил многих специалистов, в конце концов продал семейное дело, а в довершение всего еще и рано умер. С этого момента дела пошли под откос. Особняк превратился в «женский монастырь», над семьей стали подтрунивать. Только у Маттиаса получалось двумя-тремя словами вернуть уважение. Он был бы достойным преемником на посту председателя правления фабрики, в этом все сходились.

Как и предвидела Эллен, мама буквально расцвела, узнав, что скоро к ним заедет ее старшенький, и немедленно принялась чистить фамильное серебро и мыть окна.

– Бригитта тоже приедет? – с надеждой в голосе спросила Хильдегард.

В жене ее старшего сына все души не чаяли. Хильдегард совсем не походила на злую тещу или свекровь и одинаково радушно относилась практически ко всем женатым членам семьи за исключением бывшего Эллен и многочисленных отбракованных мужей Лидии.

– А куда пойдём?

Этого Эллен не знала точно так же, как не знала, задумывалась ли вообще общая прогулка.

– Можно посетить крепость Виндек в окрестностях Вайнхайма, там есть прекрасная обходная дорожка вдоль садов. Кроме того, я хотела бы еще разок побывать в лесу, – чуть жалобно сказала Хильдегард. – Никому нет дела, что я уже несколько лет не вылезаю из сада.

– Насколько я знаю Маттиаса и Бригитту, они вряд ли захотят бродить по тихим дорожкам, им нравится ломиться напролом. Ты уверена, что этого хочешь?

– Да я чувствую себя лучше всех вас, вместе взятых, и сил у меня побольше, – стояла на своем Хильдегард. – Кто из вас продержится на ногах двенадцать часов кряду? Я привыкла к физическому труду, а все мои дети знай себе торчат перед экранами и шевелятся, только когда приспичит в уборную.

Эллен задумчиво посмотрела на мать: крохотная фигурка со сгорбленной спиной, морщинистое лицо и руки, покрытые старческими пятнами, сломанные ногти, и на фоне всего этого распада плоти – светящееся зеленым светом нефритовое кольцо на среднем пальце. Окулист давно предупреждал, что нужно сделать операцию по удалению катаракты.

– Что это ты на меня уставилась, как солдат на вошь? – спросила Хильдегард. – И я когда-то была молодой и смазливой, не сушеное яблоко, как нынче.

И наверное, не такой мужененавистницей, ханжой и строгой менторшей, подумала Эллен. Правильно в старину говорили: «Давид запел набожные псалмы не раньше, чем состарился».

7

Амалию не радовала необходимость потратить выходные на семейную встречу, но она все-таки выразила готовность поприветствовать дядю и тетю. Купила по сходной цене новое летнее платье небесно-голубого цвета – фактически удлиненную майку, – которое ей тем не менее очень шло, особенно в сочетании с шарфом в зеленый горошек. Дядя Маттиас и тетя Бригитта всегда одевались по-спортивному небрежно, но дорого: такая благородная простота, до которой не всякий дотянется. Она же возвышается над безликой массой пестрыми красками. В определенном смысле городские родственники ей нравились уже по этой причине.

Жаль, ни мама, ни бабушка ни словом не намекнули, помешает ли им Уве. В общем-то, Амалия почти смирилась с тем, что ее приятель в этом доме был персоной нон грата.

Вот уже много лет Амалия собирала природные диковинки. В стеклянной витрине, выманенной у бабушки с невероятным трудом, без всякого порядка и системы хранились змеиные яйца разнообразных оттенков, камни разных пород, корневища местного винограда, все похожие на мандрагору, препарированные листья магнолии и спрессованные веточки гинкго, сморщенные и почерневшие ветки растений из сада, казавшиеся исполинскими рядом с крошечным орехом высушенные семенные коробочки дамасской чернушки, гнездо черного дрозда с кладкой и мумифицированный жук-носорог. Амалия признавала только натуральные цвета – мышинный светло-серый, яично-скорлупный, цвет коры и песочные тона. Для мамы этот *шкаф* был словно бельмо на глазу, из-за него она не любила заходить в комнату дочери. Со временем коллекция обогатилась высушенной тушкой недоразвитого хамелеона, которого выгодно торговала на еженедельном тунисском базаре подруга Катя. Старшая сестра Клэрхен балдела от коллекции, называла все это *чистейшей воды натюрмортом*, сфотографировала предметы со всех сторон и собиралась напечатать художественные открытки.

Уве не был так болезненно одержим предметами; для него проблему представляло скорее непонимание смысла формирования коллекции. Еще в самом начале знакомства он торжественно преподнес Амалии искусственный глаз своего покойного дедушки. Ему не пришло в голову, что этот артефакт нового времени никаким образом не вписывается в коллекцию природных чудес. Амалия положила подарок в стакан для зубной щетки и оставила на умывальном столике в ванной. В тот вечер крики матери разносились по всему дому, и отношения у Уве с Эллен испортились навсегда. И тем не менее в разговорах с бабушкой Эллен всегда вставала на сторону детей и брала долговязого Уве под защиту.

Гостей из Франкфурта ожидали к семи. В планах значилась совместная прогулка, легкий перекус в каком-нибудь сельском ресторанчике и, наконец, домашнее чаепитие с привезенной Маттиасом выпечкой. Денек выдался жарким. Амалия с Уве наметили с утра пораньше отправиться на озеро Баггерзее и вернуться только на кофе. Хильдегард в ожидании сына, как могла, принарядилась и теперь щеголяла в соломенной шляпке и кофточке в национальном стиле, украшенной вышитыми цветами, доставшейся ей от подруги молодости родом из придунайских швабов.

Маттиас ездил на большой машине и любил погонять, поэтому частенько выезжал с опозданием. Вот и сейчас часы показывали двенадцать, и Хильдегард потихоньку начинала волноваться.

– Ты же его знаешь, – утешала Эллен. – Если что случится, Бригитта обязательно позволит.

Когда же в конце концов Хильдегард с Эллен погрузились в машину Маттиаса, желание ехать куда-то еще пропало; недолго думая Тункели остановились в ресторанчике под сводами деревьев и для начала заказали по бокалу вайншорле. И пока не подали блюдо с прославленным местным сыром, все пожелали прогуляться до лежавшего в паре шагов пруда с форелями.

Маттиас с Эллен чуть отделились от мамы с Бригиттой:

– Что там за дурацкий слух, будто Амалия с Гердом не родственники? – перейдя на шепот, спросила Эллен, которой не давала покоя темная история с анализом ДНК.

– Вероятно, все дело в ошибке, – успокоил ее Маттиас. – Лабораторный врач считает, что для верности хорошо было бы взять пробу у тебя и сравнить ее с пробой Герда. Ты уже говорила об этом с Амалией и мамой?

– Зачем без толку пугать людей, если все это с самого начала мистификация? – резко ответила Эллен. – А кроме того, мне абсолютно до лампочки, есть ли у Амалии и Герда общие гены. Если ты вообразил, что сможешь и меня затащить в лабораторию, то ты здорово заблуждаешься.

– А тебе и не нужно будет никуда идти. Все выяснится относительно быстро, если я отправлю моему другу мазок твоей слюны. Стерильные ватные палочки у меня в багажнике.

Хильдегард с Бригиттой уже устроились в саду ресторана, а в это время брат с сестрой возились на автомобильной стоянке: Маттиас достал тестовый набор и каким-то предметомковырял во рту Эллен. Собственно, это и была подлинная цель его приезда. Только из вежливости он замаскировал визит под свидание с матерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 89,90р. (на 02.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.